

— Все так реагируют, — замечает некоторую мою остолбенелость хозяин кабинета. — Какая-то успокоенность здесь, экстрасенсы говорят, особая аура... Лет 6 назад реставраторы нам предлагали сменить перекрытия в зрительном зале. Мы категорически отказались, потому что слышали еще от старших наших товарищей, что здесь, как они говорили, витают души старых актеров, и если тронуть крышу, улетят души и будет совсем другое звучание. В смысле акустики они абсолютно правы: все деревянное, как дека скрипки, зал один из лучших по акустике.

— У вас же были серьезные проблемы с этим зданием — какие-то трещины...

— Трещины у нас есть и сейчас. Сделали фундамент — Лужкову большое спасибо, — но из стен кирпичи где-то высыпались. Если с Неглинки посмотреть, видно, что окна у нас гуляют, как вставная челюсть у старика. Нужно перекладывать какие-то стены... Когда клали фундамент, здание стянули металлическими прутьями. Потом собирались их снимать, а мы сказали: пусть останутся. Но трещины идут все равно — вот вам, пожалуйста, трещина: с каждым днем все больше становится.

— И вам не страшно?

— Если меня здесь приберет, жалко, конечно, будет умирать из-за чьей-то лости. Но тогда хоть скорее начнется реставрация... Нам хотя бы отдавали то, что заложено в бюджет. Так нет, отсекают, допустим, 50 процентов — почему? В нынешнем году не делали ремонта в этом кабинете — ладно, мы выдержим, но ведь через год это будет еще больше стоить!

— Юрий Мефодьевич, вам не жалко себя тратить на хозяйственные проблемы?

— Конечно, жалко. Но у любого человека наступает время отдавать долги. Вот и я отдаю долги тем, кто мне помогал в свое время, кто этот театр сделал и держал в руках, — слава Богу, через два года будем ему 175 лет отмечать... Вот в этом кабинете несколько десятков лет сидел Михаил Иванович Царев. Великий был дипломат в искусстве. И если мы частичку какую-то смогли подглядеть у него... Хотя из нас дипломатов не получается. Мы живем той жизнью, которую нам предлагают, а тут уж не до дипломатии.

— Во всех профессиях смена поколений — дело болезненное, а про актеров так анекдоты ходят. О джунглях пенсионного возраста.

— Нет, нет! У нас большие актеры брали молодых и потихонечку их вели. Допустим, Борис Андреевич Бабочкин вел Щербинину, которая еще студенткой была, и в своих спектаклях он поручал ей роли. Как он ее ругал, если она что-то неправильно делала! Но это было воспитание — без всяких двусмысленностей. А когда я сыграл Хлестакова, меня в свою уборную пригласила Елена Митрофановна Шатрова. Подарила мне книжку своего мужа, Радина, с автографом — это было целое письмо. Точно так же недавно, когда Ирина Муравьева сыграла в «Вишневом саде» Раневскую, первая исполнительница этой роли Еремеева Татьяна Александровна прислала ей доброжелательное письмо и фотографию Игоря Ильинского, постановщика спектакля. Я зашел в уборную к Муравьевой, она мне показывает эту фотографию, а на глазах у нее слезы... Я очень рад, что у нас в Малом есть эта театральная культура. С той же Татьяной Александровной мы вместе играли в «Дяде Ване». Не могли мне подобрать галстук, как у Чехова написано, «с химическим оттенком». И вот она приносит галстук: «Юра, посмотри — такой?». Такой. А это галстук Игоря Владимировича Ильинского! В нем я играю уже много лет.

Войдя в кабинет художественного руководителя Малого театра Юрия Соломина, ахаешь про себя и начинаешь озираться. Золоченая бронза, карельская береза, антикварный фарфор... Какое, милые, тысячелетие на дворе?

ДЕЛО ЗА МАЛЫМ

— Актеры ведь немного фетишисты, да?

— Ну, наверное. Если этот галстук у меня потеряется, я не знаю, выйду ли на сцену или нет. А если выйду, то наверняка что-то перепутаю.

— Юрий Мефодьевич, а ко всем ли молодым так хорошо относились актеры старшего поколения?

— Нет, они выбирали людей и готовили их целенаправленно. Я помню, как ввели Никиту Подгорного, это был блестящий артист, он бы еще жил и жил и украшал сцену, но у него была очень тяжелая форма рака... Роман Филиппов тоже был блестящий артист — такой индивидуальности не вижу сейчас. И всем было ясно: да, их выбрали. Позже и я, наверное, попал в эту категорию. Мы с Романом Филипповым с одного курса, учились у Пашенной, а когда пришли в театр, то особое внимание уделяли нам Дарья Васильевна Зеркалова и Елена Митрофановна Шатрова. Я уж не говорю о мужском составе — Ильинский, Жаров, Константинов, Любезнов, Доронин — у каждого был свой ведомый... И мне еще хотелось вспомнить здесь последнюю, кто ушла от нас, — Руфину Нифонтову. Несмотря на свою показную жесткость, какую-то браваду, она была добрым, беззащитным человеком и много сделала хорошего для работников Малого театра, да и для меня лично.

— В Малом театре дешевые билеты. За счет чего?

— За счет нас. Мы же получаем дотацию. Театры, даже те, которые продают билеты по 100 тысяч, на эти деньги все равно не живут, я знаю точно. Ну а поскольку мы на них все равно жить не сможем, то решили дать возможность жить зрителям...

— А большая у вас труппа?

— Большая. 130 актеров, а вообще работает около 650 человек. И не так это много. У нас же все делается в этих стенах — костюмы, парики, декорации; слесарная мастерская своя, сапожная — своя.

— Что такое режиссура в Малом театре?

— То же самое, что и в других театрах. Только если там многие режиссеры работают с выкрутасами, то здесь выкрутасы не получаются... Кто-то сказал про последний спектакль «Чайка», что это актерская режиссура. Но я могу поспо-

Как говорится, дело в шляпе!

работал в театре, играл Хлестакова в блистательном окружении — Ильинский, Бабочкин, Хохряков, Шатрова... Но популярность, конечно, приносил тогда фильм. У меня и фильмы были до этого, где-то с десятком. А потом «На!» говорят, и надо бы взять.

— Вы сразу поняли, «Адютант» обречен на успех?

— Нет. Меня долго не утверждали на эту роль на «Мосфильме». А когда фильм сняли, он был так немножечко положен на полку. И тогда, обходя московские власти, режиссер и директор фильма повезли его Цвигуну, он был консультантом от КГБ. Где-то в больнице этот фильм показали, Цвигун пригласил еще каких-то там своих больных товарищей и говорит: ну как, будем выпускать? Товарищи сказали «Будем!», и выпустили. Ну а после этого у меня не было времени задуматься, какой я хороший артист. Я снимался в двух-трех фильмах одновременно, работал в театре — никто меня не отпускал отсюда, да и я сам не ушел бы никогда. Лет двадцать у меня не было ни одного выходного дня... Меня все время останавливала Елена Николаевна Гоголева — она к работе в кино относилась скептически: «Ну хватит, хватит, ты же театральный артист!»

— А есть серьезная разница?

— Это как бывают водители первого

класса, а бывают третьего, и так всю жизнь и работают. И у нас есть артисты определенного класса, профессионалы, но в кино они работать не могут. Некоторые только потому, что мало снимались. Вот та же Гоголева: у нее «Гобсек» был, ну, может быть, еще пара фильмов. Хотя последняя ее работа в кино, «Пиковая дама», — прекрасная работа. Не забуду, когда мы снимали наш спектакль «Пучина» на телевидении, она буквально держала меня за руку: «Ты следи, говори мне, как надо, ты же киношник, а я ничего не знаю».

— Наверное, это ущербные люди — актеры третьего класса?

— Как сказать. Был у нас такой Валентин Антонович Станюлис. В «Веере леди Уиндермиер» он выходил и объявлял: «Леди Агата Карлайт!». Потом, когда он заболел, ввели другого артиста, заслуженного. И спектакль что-то потерял! Когда Станюлис ушел на пенсию, вот здесь у нас, в зале Островского, весь коллектив его уговаривал остаться. Он заплакал, поблагодарил нас и сказал: нет, я так решил... Он болел просто. Качество этого актера, который «Кушать подано» говорил всю жизнь, было не менее классным, чем, допустим, у Ильинского.

— Так что же, ему раскрыться не дали?

— Нет, просто каждому свое. Покойный Валерий Носик никогда не играл главных ролей, он был артистом эпизода — и в кино, и в театре у нас, но он был блестящий исполнитель. А Грузинский Александр Павлович, играя совсем небольшие роли с такими артистами, как Остужев, Зубов, получил звание народного артиста.

— Вы ведь из Забайкалья. Трудно было привыкнуть к Москве? И часто ли вы сталкивались с московским высокомерием по отношению к провинциалу?

— Я приехал сюда мальчишкой 18 лет. Учился, пробовался в кино, со второго курса начал играть здесь в театре. У меня не было времени на эти конфликты — чтобы меня кто-то куда-то послал, сказал, что я не москвич. Может, совсем давно и стоял такой вопрос, что люди с периферии не умеют себя вести в большом городе, но сейчас все настолько сравнялось... Когда приезжаешь в провинцию, смотришь в зрительный зал — мужчины в белых рубашках, в галстуках, женщины прически делают, лучшие платья надевают. Для них это праздник. В последнее время и московский зритель стал это понимать и в театр приходит не в джинсе и кедах. В этом году театр был в Чите на гастролях — я из Читы, но, к сожалению, не мог туда поехать. То, что там на люстрах висели, само собой. Одна наша молодая актриса говорит: «Я заплакала, когда подошла ко мне после спектакля женщина: «Вы мне так понравились, я хотела подарить вам цветы, но, извините, у нас с этим трудно экономически...» И дарит ей в горшочке домашний цветок».

— Ну и как водится...

— Наши планы. Второго сентября — сбор труппы, а третьего мы открываем сезон спектаклем «Царь Федор Иоаннович». Это наша визитная карточка на сегодняшний день. А дальше пойдет наш исторический цикл, весь репертуар плюс вот в конце сезона у нас добавилась «Чайка» на основной сцене; на Ордынке — «Свадьба Кречинского». А новые работы: запуском «Лес» Островского на основной сцене, в филиале в октябре будет выпуск спектакля по пьесе Скриба — у нее масса названий, но в Малом театре он ставился когда-то и был закрыт под названием «Тайны Мадридского двора» — режиссер Владимир Бейлис. Далее пойдет Островский — «Бешеные деньги», затем на сцене филиала — «Воскресение». «Бешеные деньги» ставит Виталий Иванов, «Воскресение» — Эдуард Мацевич. У нас еще вторая половина основной сцены осталась специально: сейчас ведут переговоры с одним очень известным в Москве молодым режиссером, но я пока что не могу назвать его имя. И еще у нас ведутся переговоры с английскими режиссерами на постановку Шекспира. Ну, это мы даже слишком рванули, потому что пять премьер — это очень трудно. Но что-то, может быть, перейдет на следующий сезон. Все связано с экономикой, если мы будем иметь деньги, то осилим и пять, а если нет, то дай Бог, чтобы было три.

Евгений НЕКРАСОВ

02.09.97

Соломин Юрий